

Эстетствующий рокер — все равно что еврей-водопроводчик. Такого не бывает. И Александр Кутиков, как любое исключение, только подтверждает правило. Он эстет. Он был таким всегда. И его тридцатилетнее пребывание на посту бас-гитариста легендарной «Машины времени», и его звукозаписывающая студия, и даже его манера разговаривать — все выдает в нем человека, знающего себе цену. И, как следствие, глухой эстетизм, «оторванный от действительности, чуждый народу и враждебный его интересам». (Краткий словарь иностранных слов, 1952.) Ему 50, а он все еще играет «на похоронах и танцах»!

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Неужели тебе действительно исполняется пятьдесят лет?

— Да, как-то незаметно началось... Но я над этим не задумываюсь, потому что, как известно, есть возраст биологический, а есть тот, который ты в себе ощущаешь.

— Сколько же тебе на самом деле?

— Думаю, что к тридцати годам я уже подобрался. На мой взгляд, 50-летний человек должен быть мудрым и полностью сложившимся. Это человек, у которого, в принципе, есть все. Который либо доживает, либо живет в свое удовольствие. Ко мне это ни в коем случае не относится, мне еще далеко идти и, надеюсь, долго.

— Насколько я знаю, элементы мудрости у тебя проявились давно. Сколько ты уже не куришь, помнишь?

— Бросил в 87-м. На следующий день после 35-летия раздал оставшиеся в доме сигареты друзьям и сказал, что все, хватит. С тех пор и не курю. Раз в месяц позволяю себе хорошую сигару с хорошим коньяком. Просто чтобы почувствовать изумительный вкус великолепного табака.

— Ты, наверное, гурман?

— О да, очень люблю вкусно поесть! Доелся уже до того, что у меня началась пищевая аллергия. И теперь, к сожалению, в своем гурманстве я сильно ограничен — не ем хлеб, стал намного реже пить вино и почти не ем мяса. Мы недавно были на гастролях в Краснодаре и после концерта по-

ДАЛЕКО ИДТИ —

Вел Москва — 2002 — 15 апр — С. 6.

ехали ужинать в ресторан с очень хорошей кухней. Моя просьба вызвала шок у персонала: «Мне, — говорю, — принесите гречневой каши». Принесли. «Еще!» — говорю. Принесли еще. «Да вы несите, несите, не стесняйтесь...»

— А как быть с повальным рок-н-рольным пьянством, которое подразумевается как бы само собой?

— Пить крепкие спиртные напитки в большом объеме я бросил лет восемь назад. Кстати, тоже в один день. Когда понял, что состояние, которое рождает во мне, скажем, водка, меня не устраивает. Ну не хочу быть агрессивным, не такой я на самом деле! Легкое опьянение от небольшой дозы коньяка вместе с ощущением его вкуса ни с чем нельзя сравнить! Это самое лучшее опьянение, которое я знаю.

— Как присущий тебе эстетизм уживается с рок-эстетикой, которая, как известно, несколько другого свойства?

— В рок-н-ролле масса эстет-

ствующих людей, просто в нем подача другая. Например, я считаю, что Дэвид Боуи — один из самых больших эстетов. Фредди Меркьюри тоже любил роскошь и экзотику, тратил на это много сил и средств. Среди нас достаточно людей, скажем так, не очень приземленных. Эстетство — это своего рода игра, просто не все осознают, что являются ее участниками.

— Тебе не надоела игра в «легенду русского рока»? Не противно который год подряд петь «на бис» одну и ту же песню?

— Я очень люблю старые песни «Машины», в том числе и свои собственные. Это, наверное, самые любимые «дети»! Может, они не всегда и не во всем совершенны, но они первые, и я до сих пор пою их с удовольстви-

ем. А что касается «игры в легенду», то мы, слава богу, никогда не придумывали каких-то особых правил для себя и окружающих. Мы просто любили музыку и хорошо друг к другу относились. Поэтому столько лет и не устаем дружить и работать вместе.

— Тем не менее каждый из вас хотя бы раз смотрел на сторону, уходил из группы, потом опять возвращался.

— Если человек все время находится в одном коллективе и при этом не пытается пробовать что-то новое, он костенеет, заштамповывается. Мне, например, как продюсеру очень интересно работать с другими музыкантами. Я довольно много получаю в творческом плане от этого общения.

— С кем ты работаешь и работал?

— Боюсь, перечислять придется слишком долго. «Браво», «Секрет», Максим Леонидов, Леня Агутин, «Лицей», «Наутилус-Помпилиус»... Я привез в Москву Андрюшу Державина и записал ему первые две пластинки. С моей легкой руки в большой шоу-бизнес попал Валера Меладзе. Но я не считаю, что об этом нужно кричать на каждом перекрестке. По большому счету, они все сделали себя сами. Просто на первом этапе многим, даже очень талантливым людям нужен человек, который может им помочь.

— Ты склонен к авантюрам?

— В 16 лет я был очень авантюрным юношей. Но и тогда не доходил до края, всегда думал о последствиях. Считаю, что это нормально, потому что, как я думаю, авантюризм в чистом виде — чаще всего криминальная история. Я вырос на Патриарших прудах в то время, когда воровская романтика была абсолютно естественной частью жизни дворового сообщества. И до сих пор я иду столбовой дорогой от авантюризма к консерватизму.

— Мне кажется, отнюдь не всегда...

— Российский человек все время ставит либо запятую, либо многоточие. А надо — точку. И двигаться дальше. Я, как и многие мои ровесники, был участником «кухонной жизни» застойного времени и знаю, что такое ночами поговорить о жизни, политике, искусстве... Многие до сих пор «разговаривают». Но у нас, слава богу, времени на эти разговоры было немного, потому что мы, кроме болтовни, еще что-то делали.

— Да, но рок-музыка в те времена была одним сплошным многоточием!

— «Вырастали» песни, значит, был результат. К тому же у меня к государству было совершенно определенное отношение. Я его не любил и никогда этого не скрывал. Я не был диссидентом в общепринятом смысле и не ходил на демонстрации. Зато у нас был свой круг, где мы играли рок-н-ролл, официально запрещенный. И тем самым высказывали свое отношение к тому государству, в котором вынуждены были родиться.

— Не было сомнений в выбранном пути? Многие творческие люди в те времена ой как терзались.

— Они и сейчас терзаются! По-настоящему творческие люди мучаются во все времена: одни — своей известностью, другие — своей неизвестностью. (Это шутка!) Меня же расстраивало в основном мое личное несовершенство. А чтобы узнавали на улице, подавали пальто, подливали в рюмку и вешали награды — в этом смысле известность никогда меня не интересовала.

Александр КУТИКОВ: В «легенду» не играем!